

приходилось открыть вторую половинку двери. Приезжали критик Измайлов, цирковой артист Жакомино, писатель Будищев, сосед и друг Куприна художник-карикатурист Щербов, репортер «Петербургской газеты» Миша Ялгубцев, внук декабриста и отставной гусар Бестужев-Рюмин, молодой журналист и поэт Николай Вержбицкий, наконец, самый близкий из друзей — Федор Дмитриевич Батюшков.

Именинник мил, весел, остроумен. Он ничего не «изрекает», не возвещает непрерываемым тоном, не одергивает младших. Вержбицкий спрашивает, при каких обстоятельствах появился у Куприна портрет с дарственной надписью Льва Толстого.

— Эту фотографию мне доставил литератор Сергеенко, — объясняет Куприн. — Подарок был сделан по желанию самого Льва Николаевича, причем великий писатель просил передать поклон и совет: «Пишите по-своему». Совет этот я принял к неуклонному исполнению...

Куприн рассказал, что видел Толстого только однажды, мельком. Потом получил приглашение приехать в Ясную Поляну, два раза отправлялся, но доехать не мог.

— Почему же? — удивляются гости.

— Страшно было! — Куприн развел руками и растерянно улыбнулся. — Нет, ей-богу, мне казалось, что старик посмотрит на меня своими колючими глазами и сразу же увидит. А мне делается стыдно и страшно...

У всех еще жива в памяти кончина Толстого, болезненно и остро пережитая Куприным.

— Так я с ним верхом и не поездил... — задумчиво говорит он. — Но зато в тот самый час, когда старик умирал на станции, я в Одессе перечитывал «Кзаков» и плакал — плакал от умиления и благодарности...

— Я не советую никому писать о том, что вы никогда не видели и не испытали. — говорит Куприн, обращаясь к молодым — Вержбицкому и Ялгубцеву. — Это всегда будет неубедительным, потому что убедительность создается подробностями, деталями. Однако как трудно показать эти детали! Иногда они у тебя под носом, но ты их не видишь. Вот-вот! Надо научиться не только смотреть, но и видеть. Возьмите «Анну Каренину» — в этом огромном романе вы найдете не более двух десятков хорошо подсмотренных автором и на всю жизнь запоминающихся подробностей. Вроде, например, таких: там, где говорится про Анну: «Было что-то ужасное и жестокое в ее прелести»; или: «Вронский чувствовал, что ему, так же, как лошади, хочется двигаться, кусаться, ему было и страшно, и весело».

Он помолчал и добавил, словно обращаясь уже только к самому себе:

— Ей-богу, я хотел бы на несколько дней сделаться лошадью, растением или рыбой... Я хотел бы пожить внутренней жизнью каждого человека, каждого встречного!..

Куприн всегда отмечал, что словесное искусство при его внешней, кажущейся легкости и доступности овладения им одно из труднейших. Его сердила развязность критики, с необыкновенной легкостью вершившей свой поспешный суд над произведением, в которое было вложено много сил, страсти, нервов, наблюдений и тщательной работы над словом. Истинный интернационалист, он говорил, что область родной литературы и языка требует к себе